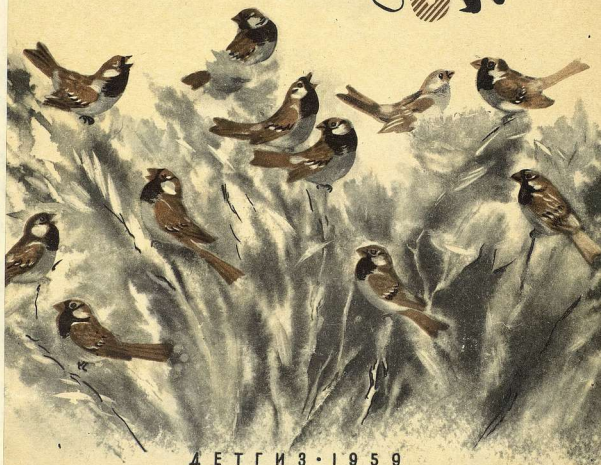

ВОРОБЬИШКИ ВЕСНА

кр. 825
кр. 904
кр. 031

Н. Сладков

ВОРОБЬИШКИНА ВЕЩА

Рисунки
Е. Чарушина

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 31

Ленинского района
г. МОСКВА

1940

ОТДАЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД
1959

ПЕСЕНКА ЗА ОКНОМ

Весной в лесах и полях поют мастера песен: соловьи, жаворонки. Люди слушают их, затаив дыхание. Я много знаю птичьих песен. Услышу — и сразу скажу, кто поёт. А нынче вот не угадал.

Проснулся я рано-рано. Вдруг слышу: за окном, за занавеской, птичка какая-то завозилась в кустах. Потом голосок, но такой приятный, будто две хрусталинки ударились друг о друга. А потом просто по-воробьиному: „Чив! Чив!“

Диво!

Хрусталинкой — воробьём, воробьём — хрусталинкой. Да всё горячеей, всё быстреей, всё звонче!

Перебрал я в памяти все птичьи песни — нет, не слышал такой никогда.

А птичка-невидимка не унимается: хрусталинкой — воробьём, воробьём — хрусталинкой!

Тут уж и под тёплым одеялом не улежишь! Вскочил я, отдернул занавеску и вижу: сидит на кусте обыкновенный воробей! Старый знакомый — Чив — Щипаный затылок. Он всю зиму летал ко мне на подоконник за крошками.

Но сейчас Чив не один, а с подружкой. Подружка спокойно сидит и пёрышки чистит. А Чиву не сидится. Он чирикает во всё горло и, как заводной, скачет вокруг подружки с ветки на ветку, — как со ступеньки на ступеньку. Тонкие ветки

бьются одна о другую и звенят хрусталинками. Потому звенят, что дождевая вода замёрзла на них тонкими сосульками.

„Чив!“ — воробей, — „Дзень!“ — сосулька.

И так это выходит хорошо и здорово, ей-ей не хуже, чем у заслуженных певцов — соловьёв и жаворонков.

ВОРОБЬИНЫЕ НОЧИ

Всю зиму воробей Чив прожил в старой печной трубе. Долго тянулись страшные зимние ночи: стрелял мороз, ветер тряс трубу и сыпал сверху ледяную крупку. Зябли ножки, иней вырастал на пёрышках.

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Каждый день выше солнце. Каждая ночь, хоть на воробьиный шаг, а короче.

И вот пришёл он — Великий день: солнце поднялось так высоко, что заглянуло к Чиву в чёрную трубу.

СОСУЛЬКИНА ВОДА

На крышах сосульки. Днём с сосуллек капает вода. Это особая вода — сосулькина. Чив очень любит сосулькину воду. Перегнётся с карниза и ловко подхватит клювом сосулькину капельку, похожую на капельку солнца. Напившись воды, Чив начинает так отчаянно прыгать и чирикать, что прохожие останавливаются, улыбаются и говорят: „Ожил курилка!“

ВЕСЕННЯЯ БАНЯ

Чив пыжился, волочил крылышки, а хвост задира! И вдруг увидел себя в снеговой лужице. Чив даже зажмурился: какой он взъерошенный и от сажи чёрный!

Скорей купаться!

В луже он приседал, окунался с головой и бил по воде крылышками. Брызги летели вверх, и в брызгах горела радуга.

Из лужи Чив выскочил свеженький и чистенький.

А вода в лужице стала чёрная, как сажа.

КАП! КАП!

Кусты набрякли водой. На каждой ветке гирлянды капель. Сядет воробей — сверкающий дождь! Нагнётся пить, а капелька из-под самого носа — кап! Воробей к другой, другая — кап! Скок, скок воробей, кап, кап капельки.

ВЕСЕННИЙ ЗВОН

Схватил мороз. Каждая мокрая ветка оделась в ледяной чехольчик. Сел воробей на наклонный сучок — да и покатился вниз, как с горки. Синица тоже поскользнулась — повисла вниз головой. Ворона с лёту ухнула в самую гущину сучьев, — вот наделала звону!

ПЕРЕКУВЫРК

Каждый день новость. В воздухе появились насекомые! Чив столбиком взлетел с крыши, схватил на лету жучишку и, сделав в воздухе перекувырк, опустился на трубу. Наелся Чив жуков и мух, и стали твориться с ним странные вещи. Он вдруг схватил за загривок своего старого друга Чирика и стал трепать его, как собака кошку. Чирик орал, дрыгал ножками, бил крылышками. Но Чив трепал его и трепал, пока не выдрал у него клочок перьев. А всю зиму они были друзьями. И воду пили с одной сосульки. И отмывались в соседних лужах. Только вода после Чирика стала не чёрная,

а рыжая. Потому что всю зиму Чирик спал в щели кирпичной стены.

А теперь всё пошло кувырком.

СТУПЕНЬКИ

Обвисшие ветви ивы похожи на зелёные волосы. На каждой волосинке узелки, узелки, узелки. Это почки.

Дождевые капли скатываются по ветвям, весело прыгают с почки на почку. Так на одной ножке прыгают вниз по ступенькам ребята.

Ива сверкает и улыбается.

ЗЕЛЁНЫЕ БАБОЧКИ

На тополях понатужились и лопнули почки. Из каждой почки, как бабочка из куколки, вылупился зелёный листик.

Воробьи расселись по ветвям и стали склёвывать клейких зелёных бабочек. Угощаются; один глазок вверх — нет ли ястреба, — другой вниз — не лезет ли кошка?

ДРАЧУНЫ

От сосулькиной воды и солнца, от жуков и мух, от свежих листиков воробьи ошалели. Драки тут и там! Схва-

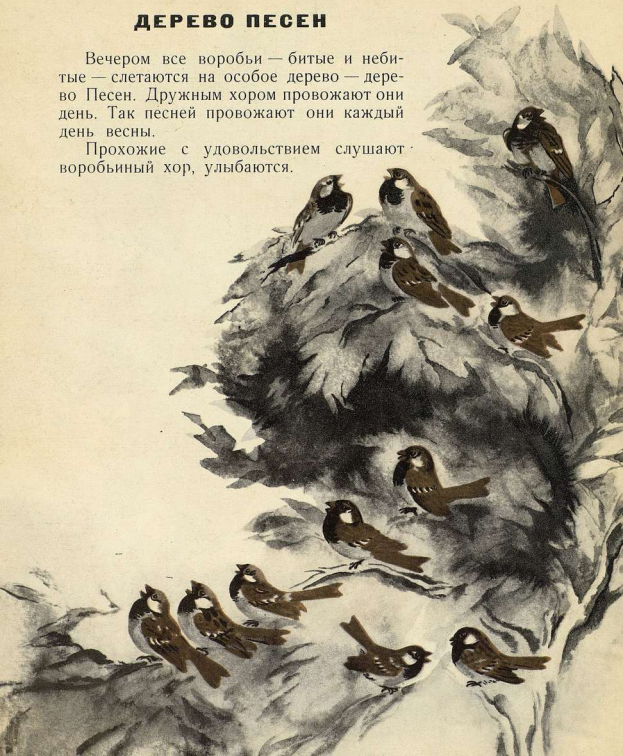
тятся на крыше двое — к ним
мчит дюжина. Вцепятся друг в
друга, трепыхаются, кричат и
пернатой гирляндой валятся с
крыши на головы прохожих.

ДЕРЕВО ПЕСЕН

Вечером все воробьи — битые и небитые — слетаются на особое дерево — дерево Песен. Дружным хором провожают они день. Так песней провожают они каждый день весны.

Прохожие с удовольствием слушают воробьиный хор, улыбаются.

ПЕРЕПОЛОХ

Чив и его подружка Чука сложили гнездо в щели под карнизом. Выстлали его перьями, волосом, ватой, сеном и тряпочками. А Чука принесла фантик и два трамвайных билета: розовый и голубой. Получилось очень уютно. Чив вспоминал свою дымовую трубу и жалел, что раньше не догадался познакомиться с Чукой.

И вдруг — скрип, скрип, скрип! В люльке к карнизу поднимался штукатур. Поднялся и лопаточкой своей стал заделывать под карнизом щели.

Что тут началось! Все воробьи — к нему скачут! Скачут по самому краю крыши, на все голоса ругают штукатура. Но штукатур не понимает воробьиного языка: замазывает щели да от воробьев лопаточкой отмахивается. А гнездо Чива и Чуки выбросил. Полетели по ветру перья, вата, волосы, сено и тряпочки. А фантик и билетки упали вниз.

ДОМИК-ЛЮЛЬКА

Чив и Чука заняли скворечник. Ветер покачивал шест, и вместе с шестом покачивался их новый домик. Чива укачивало, и он клевал носом. Чука не дремала: она опять наносила в гнездо перья, вату и сухие травинки. И опять принесла фантик и трамвайные билетки.

ВЫСЕЛЕНИЕ

Вернулись с юга хозяева скворечника — серьёзные чёрные скворцы. Молча, деловито работая, они выбросили из скворечника сначала Чива, потом Чуку и, наконец, все их

гнездо. Опять полетели по ветру перья, вата, травинки, фантик и трамвайные билеты.

ЛЕПЕСТКОВАЯ МЕТЕЛЬ

Засвистывает метель. По улицам течёт белая позёмка яблоневых лепестков. А в тупичках вихри. Белые вихри из яблоневых лепестков.

НЕКОГДА!

Везде из-под застрех настырные голоса желторотых воробьят. Старые воробьи — туда-сюда, вперёд-назад! Залетают в гнёзда, шарахаются назад.

Слышал Чива. Он сидел у старого своего гнезда — на заброшенной старой трубе. Сидел и чирикал не своим голосом. Потому что в клюве у него торчала гусеница, как папирosa. И чирикал он не раскрывая рта, „сквозь зубы“. Некогда!

Кончилась воробьиная весна. Хлопот полон рот!

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сладков Николай Иванович
„Воробьишкина весна“

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова. Художник-редактор Ю. Н. Киселев. Технический редактор З. П. Корежнюк. Корректоры Л. К. Малайко и Н. В. Богачева.
Подписано к набору 4/VI 1959 г. Подписано к печати 12/X 1959 г. Формат 60×92¹/₂. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 3. Уч.-изд. л. 3.7. Тираж 325 000 экз. Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 551. 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 2 р. 60 к.

